О клесовщине как индикаторе системного кризиса в российской науке

Вадим Веренич

Опубликовано на сайте «Заметки о генетике» 25 декабря 2014 г.

В середине ноября в РАН состоялась конференция по вопросам этногенеза и истории карачаево-балкарцев. Само по себе это событие (ориентированное, кроме самих карачаево-балкарцев, на небольшой круг специалистов) вряд ли бы привлекло внимание широкой общественности, если бы не скандальный доклад Клесова, и последовавшее за этим фронтальное столкновение адептов Клесова и представителей академической науки. Именно благодаря этому инциденту имя Клесова стало фигурировать в главных ресурсах русскоязычной интернет-медиа.

В душе я надеялся что доклад Клесова окажется «академическим» Ватерлоо, так как на конференции выступали с докладами самые именитые российские генетики — Балановские, Боринская и Животовский. Уж, казалось бы, они должны были поставить шарлатана на место.
Но все пошло не так, и вместо Ватерлоо «окадемиг» отпраздновал очередной триумф Аустерлица.

Как бы то ни было, Клесов представляет собой феномен. И как любой феномен он смог появиться только благодаря стечению ряда обстоятельств, или как любят говорить немецкие философы, благодаря велению «духа времени».

Еще в далеком 2009 году я призывал профильных специалистов — популяционных генетиков выступить с подробной разборкой злостных спекуляций Клесова в области генетики, в стиле знаменитого круглого стола «Анти-Фоменко» в конце прошлого века. Тогда, конечно же можно было купировать клесовщину в самом ее зародыше, так как имя Клесова было еще малоизвестно широкой общественности. В настоящее время нужно признать, что момент был упущен. За последние два года, судя по количеству интервью в прессе и видео выложенных в Ютуб, его популярность пошла в гору. Особенно после того, как его показали в одном из эпизодов фильма Задорнова о Рюрике, и ряде других фильмов, показанных по российским каналам в прайм-тайм. Академическое осуждение Клесова ex cathedra на уровне комиссии по борьбе с лженаукой РФ придало бы сейчас ему статус мученика, что еще хуже. В итоге, академический истеблишмент РФ потерпел первое поражение. Признаюсь, что и я был неправ, когда говорил, что Клесов фигура уровня Фоменко и прочих «фриков от науки». На самом деле, теперь можно сказать, что Клесов уже принес больше вреда академической науке, чем все остальные фрики вместе взятые. И это еще только цветочки. Очевидно, что Клесов — фигура более симптоматичная и знаковая. Недаром в приведенной ниже цитате один из старожителей российской науки сравнивает его с Лысенко (с которым Клесов, кстати, был лично знаком). К сожалению, в современной российской генетике нет фигур уровня Вавилова, которые бы в борьбе с новым «Лысенко» были готовы претерпеть начальственный гнев и пойти на костер. Удобства академических тенюр дают о себе знать. Людям преклонного возраста недолго осталось до пенсии, а молодежь не хочет рисковать карьерным ростом.

Итак, о чем свидетельствует феномен Клесова? В первую очередь, о системной слабости российской науки в целом и генетики, в частности. Эта слабость объясняется целым рядом факторов совершенно разного характера (политические, экономические, идеологические и т.п.). Думаю, они хорошо известны. Я лишь вкратце пройдусь по самым важным. Долгое время академическая среда (как в гуманитарных, так и в естественных науках; в прикладных науках в меньшей степени) представляла собой некое подобие социального института, полностью изолированного от общества. Продукты этого института — научные работы, исследования, открытия, все то что называется «новым знанием» — предназначались для относительно узкого круга пользователей, представители которого посредством разных инструментов (peer-review, рецензирование, экспертные оценки, этические комитеты и т.д.) решали вопрос о том, что есть научное знание, а что — нет. Естественно, как и везде, даже в этом узком кругу существовали свои карьерные интриги и трения «школ», в результате чего опеределение научности часто носило политический или идеологический характер. Разумеется, общественность в этот процесс вовлечена не была — если в 90-е года простым россиянам было просто не до науки, то в «нулевые» этого интереса не было по причине отсутствия популяризаторов. К сожалению, так и не появилось талантливых популяризаторов науки, подобных советским популяризаторам науки (вроде Я.Перельмана с его «Занимательной физикой»). Академическая среда, подпитываемая грантовой системой, продолжала существовать по инерции, а академическая деятельность часто носила формальный характер соблюдения некоторых этических стандартов, выполнения плана публикаций, и совместного поедания вкусных тортов на международных конференциях.

В силу этого инерционного существования академическая генетика проглядела появление параллельного явления т.н. «коммерческой генетики», пробудившей значительный интерес в среде обычных людей, которые поняли, что с помощью предлогаемых коммерческими компаниями тестов они могут изучать не просто некую абстрактную генетику абстрактной группы людей, а свой собственный геном на предмет собственного происхождения, генетических рисков и генетической совместимости. Хотя этот рынок услуг и не достиг еще глобальных масштабов, его рост стабилен даже в наше время, когда люди не склоны тратить деньги на праздные развлечения.

Короче говоря, академическая генетика не только не произвела талантливых популяризаторов, (в результате чего

большинством обычных людей писания генетиков воспринимаются как «птичий», непонятный язык), но и упустила важный момент для выхода в массы. В итоге, по мере накопления массива данных полученных клиентами генетических компаний за собственные деньги, возник вопрос — а кто будет разжевывать эти данные в удобоваримый продукт для масс? Возник вакуум и первая предпосылка для появления феномена Клесова.

При моей взаимной неприязни к Клесову, ему нельзя отказать в ораторском мастерстве и умению производить впечетление умного сведующего человека. Кроме того, в отличие от окостеневших академических генетиков, он умеет себя подать и что еще важнее — продать. Свое полное непонимание предмета генетики (его уровень познаний в генетике не выше уровня выпусника средней школы) он умело маскирует использованием умных слов и пышными титулами вроде «профессор Гарварда» (хотя того профессора в списках Гарварда никогда не было и нет). Популяризаторский талант Клесова (в отличии от «заумняков» академических генетиков) состоит в том, что говорит простым языком, бойко, громко и весело. Иногда может вставить красное матерное словцо. В общем, упрощает все до невозможности, украшает парочкой умных слов («логарифмический», «линейный», «кинетическая формула») и втюхивает свой продукт. Благодарный «пипл хавает». В этом смысле Клесов напоминает не столько Клесова, сколько «логофета» Задорнова. Just for lulz.

Можно провести разбор полетов его методологических трюков, но я не вижу в этом особого смысла. Я внимательно изучал его «методологию ДНК-генеалогии» на протяжении нескольких лет и могу сказать, что она чуть больше чем полностью состоит из подтасовок, натяжек и присвоенных Клесовым формул. Например, та самая формула для вычисления «ближайшего общего предка гаплогруппы», которую Клесов выдает за собственное изобретение, попросту присвоена им у Д.Адамова. Академическому ученому такое бы не простили, но Клесову нечего терять. По этой причине, академические деятели, чьи руки связаны всевозможными этическими стандартами («informed consent», этика научного исследования и цитирования, этика академического общения и т.д.) оказались беспомощными в лобовом столкновении с Клесовым. Точно так же, как оказывается беспомощным интеллигент в подворотне, где гопник отжимает у него мобилу и прочие атрибуты хорошей жизни.

Но самое важное даже не это. Клесов быстро сообразил, что люди готовы платить деньги за получение продукта. Естественно, этот продукт — то есть некий нарратив на тему ДНК-генеалогии заказчика или целого народа — должен соответствовать ожиданиям заказчика. Например, требуется доказать что все коэны происходят от Аарона. ДНК-генеалогия Клесова дает ответ! Требуется показать, что все человечество (включая негров) зародилась 65 000 лет тому назад на русской равнине недалеко от города Зарайска. ДНК-генеалогия Клесова дает ответ! Требуется доказать, что такой-то народ является современников динозавров. ДНК-генеалогия Клесова дает ответ! Кроме того, в последнее время Клесов держит нос по политическому ветру, о чем свидетельствуют его выступления по телевизору на тему того, что ДНК-генеалогия говорит о том, что украинцы и русские — это оказывается один (!) народ. Видимо, кто-то наверху не только оплачивает, но и еще курирует его деятельность.

Когда-то в 2010 году уважаемый Дмитрий Беляев (крупнейший исследователь истории Мезоамерики с мировым именем) охарактеризовал «научную» деятельность Клесова емким словом «гринго-сайенс». Так латиноамериканские историки называют писанину своих академических «коллег» из Штатов. Эта писанина представляет собой нарративные сочинения в стиле фэнтэзи с грубым перевиранием фактов (а то и с полным отсутствием фактологической базы), и полным отстутствием понимания вопроса, о котором они пишут (т.к. никто из них не был на местах археологических раскопок городов майя, ацтеков и пр.).
Зато эта литература неплохо покупается американскими домохозяйками.